

УДК 801.82:821.161.1–94

РОМАНТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ АЛИМА В ПРЕДАНИИ И В РОМАНЕ Н.А. ПОПОВА «АЛИМ – КРЫМСКИЙ РАЗБОЙНИК»

Сеитязьева Т. Р.

РВУЗ КИПУ

В статье на материале предания и письменной литературы о крымском Робин Гуде делается попытка раскрыть романтический образ Алима. Основными источниками исследования, посвященными данному вопросу, являются труды Попова Н. А. «Алим – крымский разбойник», Колли Л. «Подлинный портрет Алима: портрет Алима Азамат оглу, нарисованный с натуры и «маленькая заметка».

Работа структурно состоит из постановки проблемы, изложения основного материала, заключения, списка использованных источников. Автором определены характерные образу романтические качества героя через его действия и поступки, а также влияние любви на выбор образа жизни героя. Работа представляет собой самостоятельное завершённое исследование, которое имеет теоретическое и практическое значение для развития крымскотатарской литературы.

Ключевые слова: романтический образ, роман, предание.

Постановка проблемы. Образ Алима, вошедший почётной строкой в крымскотатарский фольклор и литературу, получил известное место и в произведениях авторов русской литературы. Так Н. А. Попов в своём романе «Алим – крымский разбойник» повествует о любви и её дальнейших последствиях на поступки легендарного героя. Также для полной характеристики Алима, говоря о его портрете, нужно ещё упомянуть о легенде, ярко освещающей его «рыцарскую» сторону.

Анализ литературы. Несмотря на популярность Алима в фольклоре и литературе, в литературоведении его образ не являлся предметом специального исследования и требует всестороннего изучения и анализа.

Цель статьи – в данной статье делается попытка охарактеризовать романтический образ Алима в предании и в романе Н. А. Попова «Алим – крымский разбойник».

В конце 40-х годов путешествовала по Крыму одна художница-портретистка француженка Леони Лелоррен. На приёме у губернатора она повстречала Айвазовского. Как собратья по профессии они разговорились, от области живописи беседа перешла к злобе дня, к Алиму.

– «Нельзя ли, – спросила Лелоррен, – срисовать его портрет?»

– «Для этого, сударыня, – возразил Айвазовский, – придётся преодолеть много препятствий. Если, благодаря вашему таланту, вы вторая Шахерезада, то, пожалуй, постараюсь быть вам вторым Алладином и раскрыть перед вами те двери, за которыми слышно дикое рычание зверей и характерный звон арестантских оков».

– «Знаю, что вы большой волшебник».

– «Говорят, что для женщин закон всегда снисходителен, но когда женщина такова, как вы, с божьим огнём, то какие же могут быть для неё преграды? Искусство не имеет пределов, и пред ним, надеюсь, преклонится и строгость господина прокурора» [1, 55].

И Фемида преклонилась перед искусством. На другой день Леони Лелоррен срисовала портрет крымского Робин Гуда. В изображении чувствуется поспешность исполнения, но удары карандаша начерчены искусною рукою метко и твёрдо, нет неуверенных, затёртых штрихов. Наоборот черты лица схвачены опытным глазом. Айвазовский передал последний акт истории портрета: «Окончив рисунок, Леони готовилась уже уходить из тюремной камеры, как Алим выразил желание взглянуть на её работу. Одобрив исполнение портрета, Алим обратился к художнице со следующими словами: «Уходя отсюда, ты уносишь с собою эту вещь, как память обо мне. Я же остаюсь здесь с одним мысленным воспоминанием о мимолётном появлении твоём предо мною. Спасибо тебе за благосклонное внимание ко мне. Я этого не заслужил. Твои черты навсегда останутся запечатлёнными в душе моей!» [1, 56]. На это Леони нервно сняла закреплявшую её шейный платок золотую булавку, дрожащей от волнения рукой приколола её к отвороту халата приговорённого и направилась к выходу.

– «Нет, – крикнул разбойник, – в таком случае не так следует поступать, а вот как!». И, широко распахнув халат и сорочку и раскрыв грудь, вонзил он себе в грудную кость остриё булавки, переломал её пополам, и вручил конец с головкой художнице, твёрдо произнеся: «Это тебе, а это, указывая на грудь, останется мне!» [1, 56–57].

Художница когда-то подарила этот портрет госпоже Кушниковой, подписав: «Если когда-нибудь эти штрихи должны возбудить в вашей душе хоть малейшее воспоминание обо мне, то тогда копия сделает больше добра, чем когда-либо оригинал совершил зла» [1, 55].

Если взять за истину то, что ничего случайного в жизни не бывает, к выбору такого образа жизни Алима подтолкнули некоторые жизненные обстоятельства. А именно то, что он с детства сталкивался с несправедливостью и беззаконием, а также чувство любви к женщине. Чтобы в полной мере раскрыть романтический образ Алима, рассказ о его приключениях следует начать с описания героини романа красавицы Рахиль, положившей первый камень того здания, которое впоследствии обрушилось на голову славного татарина и придавило его своей тяжестью, преобразив джигита в Аджи. «Рахиль природа одарила изумительной красотой. Татарские песни говорят, что Рахиль была высокая, стройная, гибкая, как южная тростинка, с античными чертами лица бледно-матового цвета; старики, помнящие южную красавицу, утверждают, что она напоминала собою божественную красоту библейских женщин, которых обессмертила кисть знаменитого Рафаэля на стенах Сикстинской капеллы в Ватикане» [2, 22]. «Что особенно хорошо у Рахили – это её чёрные как уголь глаза. Они смотрели прямо в упор, не мигая, так что становилось неловко каждому, на кого они были устремлены. В этих глазах было что-то чарующее и вместе с тем страшное, они приводили в восторг до полного самозабвения и возбуждали трепет. Глаза не улыбались, они только горели...» [2, 23]. Натура у неё была кипучая, порывистая и страстная. В натуре Рахили была масса противоречий и странностей; она была очень горда и тщеславна, но при своей пламенной необузданной натуре, она отличалась детской застенчивостью. Алим поступил на службу к отцу Ра-

хили, старый караим отдал его в распоряжение дочери, она заставляла его обрезать и окапывать кусты, сажать молодые деревья, поливать цветы. Юная Рахиль обратила внимание на своего красавца садовника и влюбилась в него со всей страстью дикой необузданной натуры. «Алим имел одну из тех наружностей, которые в особенности нравятся женщинам. Высокий, прекрасно сложенный, он имел правильные черты лица, несколько горбатый нос, придававший лицу выражение страсти и энергии, карие глаза молодого татарина, совершенно правильной формы смотрели бойко и лишь порою они тускнели, покрываясь какой-то влагой, когда юноша конфузился и на его смуглых щеках выступал густой румянец» [2, 34]. Алим, увидев впервые Рахиль, вообразил себе, что перед ним одна из гурий рая Магомета. С этой минуты он страстно полюбил Рахиль, покоровшись её кротким взглядом и нежной улыбкой, он за них, не задумываясь, готов был отдать все блага жизни настоящей и будущей. Когда Рахиль поняла, что молодой садовник её любит, то в душе караимки стала происходить борьба. Ей очень нравился Алим, какая-то непреодолимая сила влекла её к нему, но гордость удерживала её, руководила каждым шагом и заставляла по возможности избегать встречи с молодым человеком. Рахиль считала, что в любви гордость женщины поддерживает её достоинство, но она не представляла, к каким ужасным последствиям это средство её приведёт.

В роковой вечер душевное состояние красавицы было особенно тревожно, но вот сверкнула молния, и Рахиль увидела в конце сада стройную фигуру Алима. «Точно загипнотизированная, она медленными шагами стала подвигаться к тому месту, откуда явилась фигура татарина. Алим в свою очередь шёл ей навстречу, они подвигались друг к другу всё ближе и ближе; снова сверкнула молния и эти два влюблённых существа кинулись друг к другу в объятия. Рахиль своими коралловыми губами целовала Алима и её прелестные глаза уже померкли...» [2, 43].

Рахиль мучили противоречивые чувства: красота Алима подействовала на страстную Рахиль, она увлеклась им до потери сознания, готова была забыть весь мир, но чувство стыда и уязвленной гордости сделалось преобладающим. Сознание, что она расцеловалась с простым рабочим, приводило её в отчаяние. Придя на площадь, она почти лицом к лицу встретила со своим садовником, его глаза светились такой же страстью, как во время грозы. Благоговение толпы, не знавшей до какого позора дошла Рахиль, так недавно обнимавшая простого рабочего, возбудили большую злобу в душе необузданной девушки, глаза её сверкнули зловещим огнем, она как тигрица отпрыгнула от Алима, разорвала нитку жемчуга и неистово крикнула: «Спасите! Этот разбойник хотел меня ограбить!». Толпа взволновалась и окружила их. Улика была налицо, крупные зёрна жемчуга лежали на земле. Алим стоял, как поражённый громом, и в своё оправдание не имел сил выговорить слова, полицейские беспрепятственно скрутили ему руки и повели в тюрьму. Ничего подобного влюблённый не мог ожидать, на него напал столбняк. «Он вспомнил, что красавица Рахиль очень сердито на него сверкала глазами, но почему она возвела на него такое преступление, что Алим будто хотел её ограбить, бедный молодой человек решительно не мог понять. Такая дикая и вместе с тем подлая клевета могла разразиться над головой лишь человека, которому хочешь отомстить и к которому питаешь глубокую ненависть. Между тем я знаю наверно, – рассуждал Алим, – что караимке я

нравился – не далее как неделю назад, она со мной расцеловалась, и сегодня вдруг оклеветала меня публично! Бедный молодой человек не мог понять душевного состояния Рахили: именно за поцелуй то она ему и мстила. Алим понимал борьбу, происходившую в душе Рахили, он конечно был ей не пара, она дочь именитого купца миллионщика, а он простой крестьянин Феодосийского уезда, но мстить так безжалостно, ни с того ни с сего озлобиться, оклеветать ничем неповинного человека – это для Алима была неразрешимая задача. ... Он был озадачен поступком Рахили, но не рассердился на неё; в его душе не было и тени враждебного чувства к караимке» [2, 47–48].

Когда его потребовали к допросу и сообщили, что Рахиль обвиняет его в покушении на грабёж, Алим и тут не рассердился, показания его были самые скромные. О своих отношениях с Рахилью, о том, что она его поцеловала, он не сказал ни слова. «Полицейский квартальный, производивший следствие, глядя на молодого красивого татарина, сразу заподозрил его в интимных отношениях с купеческой дочкой и прямо, не стесняясь, объявил в глаза Алиму, что если он докажет существование этих романтических отношений, то поступок его с Рахилью на базаре будет отнесён к простой ссоре влюблённых, но не к грабежу и он, Алим, тотчас же получит свободу. Честный юноша с негодованием отверг предположение следователя, и участь его была решена. Началось дело о покушении на грабёж крестьянина Феодосийского уезда, деревни Копюрликой Алима Азамат оглу дочери купца первой гильдии Бабаджана Рахили» [2, 48].

«Дело Алима тянулось почти целый год, и лишь летом он был отправлен в Кишинёв. Жгучие лучи солнца, ужасающий цинизм товарищей и бессердечная строгость начальников не могли вытеснить из души влюблённого прелестный образ Рахили. Алим ни минуты её не осуждал, на его щеке до сих пор горел поцелуй красавицы Рахили, а это было такое блаженство, для которого Алим готов был принять все адские мучения. Когда безмолвие степи нарушалось глухим лязгом железа, Алим мечтал о своей милой, эти страшные звуки ему казались гармоничными, точно он слышал голос Рахили, в мираже степей он видел её чудную фигурку, точно Рахиль его манила, нежно улыбаясь. К счастью Алима, он не чувствовал всей тяжести своего положения, живя не в действительном мире, а в мире фантазий. Это был рыцарь и поэт вместе. На следствии и суде он ни одним словом не выдал Рахили, принял на себя весь ужас обвинения и, что самое важное, в душе не осудил оклеветавшую его девушку» [2, 48–49]. «Когда несчастье разразилось над его головой, он стал жить в мире фантазий, его мечтания о караимке часто проявлялись в форме галлюцинаций. Иногда ночью ему являлась Рахиль, утешала его и звала куда-то вдаль. Если теория, гласящая, что счастье находится не вне нас, а в нас самих, справедлива, то она оправдалась на Алиме; он был безусловно счастлив» [2, 49].

Некоторые мыслители считают, что самый верный доступ к сердцу женщины – действовать на её чувство жалости, возбуждать в ней к себе участие. Практика показывает, что это неопровержимая истина. «Женщины очень отзывчивы, когда щекочат их самолюбие, льстят им, вообще, как говорится, курят фимиам, но и чувство участия к ближнему, в особенности, если этот ближний молод и красив – имеет громадное значение. Невинно пострадавший Алим в глазах Рахили стал уже жерт-

вой её гордости, безжалостного порыва, сгубившего его. Как все природы страстные и порывистые она ударилась из одной крайности в другую и теперь уже не осуждала Алима, как прежде, а себя самое» [2, 65].

Страстная, мечтательная девушка постоянно думала о своём бывшем садовнике, и любовь к нему уже не вызывала румянца стыда на её щеках. «Когда же она узнала историю свадьбы Марии Акалифаки, устроенную Алимом, её любовь к нему перешла в какое-то благоговейное обожание; в её пылкой голове явилась идея встретиться с Алимом и просить его как милости, чтобы он своеручно заколол её за тот гнусный поступок, на который она решилась два года тому назад, публично оклеветав его в покушении на грабёж» [2, 67].

Часто тёмною ночью Алим, закутанный в башлык, прятался за серую скалу на берегу Карасу. Он вперял воспалённые глаза на сад Бабаджана и с лихорадочным нетерпением ждал появления в саду Рахили. Он видел, как она выходила из дома, останавливалась около клумбы, на которой росли незабудки, и блаженная улыбка появлялась на губах татарина. Он шептал: она меня любит, но истинная любовь робка и застенчива. Этот железный человек легендарной храбрости, необыкновенной физической силы, вытерпевший всевозможные истязания, без труда останавливавший мчавшуюся в карьер перекладную тележку, робел как маленький ребёнок перед слабой девушкой, погубившей его. У Алима не хватало духа выйти из засады, перепрыгнуть через забор и снова вкусить тот нектар, сладость которого он не мог забыть вот уже два года. «При виде Рахили, закутанной в белую чадру, сердце влюблённого сладостно замирало, но вместе с тем и другая тревожная мысль приходила ему в голову. – Почём знать, – думал Алим, – быть может, в эти два года она давно меня забыла. Однако до сих пор не вышла замуж, – мелькало в голове татарина, – ей уже восемнадцать лет – и снова блаженная улыбка появилась на его губах, глаза восторженно горели, но это был лишь один момент. – Если Рахиль меня любит, – рассуждал Алим, – то это поведёт её к несчастью: разве может такая необыкновенная красавица и богачка принадлежать беглому арестанту и разбойнику. Нет, – рассуждал Алим, – я никогда не решусь смутить моим присутствием эту непорочную гурию, слетевшую к нам на грешную землю из рая Магомета!» [2, 74].

В подлинности чувств Алима к Рахили сомневаться не приходится. «Разве ты не госпожа моей души? Разве каждое мое помышление, каждый мой вздох не принадлежит тебе! Нет, ты моя госпожа. Эту беспредельную любовь ко всем угнетённым кто же внушил мне, как не ты, посланница Аллаха. Видеть тебя и не быть достойным твоей улыбки, твоего нежного взгляда разве это возможно?! Если каждый, утешенный мною во имя тебя, вознесёт благодарную молитву Аллаху, разве это не будет наградой для меня. Скажи мне, чудная гурия, неужели можно, зная тебя, не облегчать страдания ближнего? До встречи с тобой, пока твой божественный огонь не разогрел мою душу, что такое был я? Простой татарин, работник, не понимавший страдания людей. Явилась ты, посланница Аллаха, и я прозрел; я понял смысл проповеди великого пророка и люди стали моими братьями. Я не слышал от тебя никогда ни одного совета или приказания помогать людям, но я видел тебя, я понял, что Аллах, посылая на землю такую гурию как ты, хотел сделать всех людей добрыми и я уверовал в это послание и с того момента, как увидел тебя, обратился к добру. О

моих страданиях, о которых ты говоришь, не может быть и речи, их не было, можно ли страдать, когда наслаждается душа?» – говорил Алим своей возлюбленной, выражая тем самым свои истинные чувства [2, 77–78].

Выводы и перспектива. Алима несомненно можно назвать романтическим героем, так как он являлся исключительной и таинственной личностью, пребывающей в исключительных обстоятельствах. Образу присущи независимость, неразрешимость конфликта между героем и обществом, абстрактное восприятие времени, ярко выраженные черты характера, такие как справедливость, молодечество, доброта.

Литература

1. Колли Л. Подлинный портрет Алима: портрет Алима Азамат оглу, нарисованный с натуры и «маленькая заметка» / Л. Колли // ИТУАК. – Симферополь, 1905. – № 38. – С. 48–57.

2. Попов Н. А. Алим – крымский разбойник. Роман. – Типография В. В. Комарова. – С.-Петербург, 1895. – 208 с.

Сеітягьяева Т. Р. Романтичний образ Аліма у переказі і в романі Н.А. Попова «Алім – кримський розбійник» / Т. Р. Сеітягьяева // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 2. – С. 494–499.

У статті на матеріалі переказу і письмовій літературі про кримському Робін Гуду робиться спроба розкрити романтичний образ Аліма. Основними джерелами дослідження, присвяченими даного питання, є праці Попова Н.А. «Алім – кримський розбійник», Коллі Л. «Справжній портрет Аліма: портрет Аліма Азамат оглу, намальований з натури і «маленька замітка». Робота структурно складається з постановки проблеми, викладу основного матеріалу, висновків, списку використаних джерел. Автором визначено характерні образі романтичні якості героя через його дії і вчинки, а також вплив любові на вибір способу життя героя. Робота являє собою самостійне завершене дослідження, яке має теоретичне і практичне значення для розвитку кримськотатарської літератури.

Ключові слова: романтичний образ, роман, переказ.

Seityagyaeva T. R. The romantic image of Alim in the legends and in the novel by N.A. Popov «Alim – Crimean robber» / T. R. Seityagyaeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 2. – P. 494–499.

Based on the extended material of legends and written literature about the Crimean Robin Hood the article attempts to reveal the romantic image of Alim. Among the main sources of research that are devoted to the subject, there are the works of N.A. Popov «Alim – Crimean robber», Colley L. «Original portrait of Alim: Alim Azamat oglu portrait» which was drawn from nature and a «small note». The work is structured in the problem statement, statement of the main material, the conclusion and a list of references. The author determines the romantic characteristics which are peculiar for the image of a hero through his actions and deeds as well as the influence of love onto the lifestyle of a hero. The work is an independent completed research, which has the theoretical and practical significance for the development of the Crimean Tatar literature.

Image Alim logged honorable line in the Crimean Tatar folklore and literature, was a famous place in the works of authors of Russian literature. So N.A. Popov in his novel «Alim – Crimean robber» tells the story of love and its consequences on the future actions of the legendary hero. Also for the complete characterization of Alim, speaking of his portrait, we must also mention the legend, brightly illuminating his «chivalrous» side.

Despite the popularity of Alim in folklore and literature, literary criticism in his way was not the subject of a special study and requires comprehensive study and analysis. This article attempts to describe the romantic image of Alim in tradition and in the novel N.A. Popov «Alim – Crimean robber».

Key words: romantic image novel, legend.

Поступила в редакцію 30.08.2013 г.